

ПОЛИСУБСТАНЦИОНАЛИЗМ И КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ ГОТФРИДА ВИЛЬГЕЛЬМА ЛЕЙБНИЦА

Копцева Н. П.

ФГАОУ ВПО Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, decanka@mail.ru

Статья посвящена исследованию философской проблемы истины в трудах великого немецкого философа 18 века Готфрида Вильгельма Лейбница. Философская теория истины разработана Лейбницем в соответствии с теорией субстанции. Лейбниц выстраивает гносеологическую концепцию истины. В статье доказывается, что Лейбниц связывает две категории: бытие и истина. Однако взаимосвязь этих категорий он исследует в теории познания. Лейбниц подробно анализирует способ познания, который приводит философа к истине. Лейбниц исходит из тождества субъекта и объекта. Теория истины Лейбница оригинальна и не имеет аналогов. Нельзя изучать философские модели истины без учета его интеллектуальных открытий. В статье рассмотрено отрицательное мнение Ф. Шеллинга о философской концепции Лейбница. Автор полагает, что Шеллинг ошибался, когда давал философии Лейбница отрицательную характеристику. Наоборот, Гегель был прав, когда он писал, что философия Лейбница очень близка к пониманию истинной природы Абсолюта.

Ключевые слова: философия, истина, Лейбниц, Шеллинг, Гегель, субстанция.

POLISUBSTANTSIONALISM AND THE CONCEPT OF THE TRUTH OF GOTTFRIED WILHELM LEIBNIZ

Koptseva N. P.

FSAI HPE Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Svobodny, 79, Krasnoyarsk, Russia. decanka@mail.ru

The article is devoted to the study of philosophical problem of truth in the writings of the great German philosopher of the 18th century Gottfried Wilhelm Leibniz. Philosophical theory of truth developed by Leibniz in accordance with the theory of the substance. Leibniz builds the gnoseological the concept of truth. In the article it is proved that the Leibnitz connects two categories: the existence and the truth. However, the relationship between these categories, he explores the theory of knowledge. Leibniz analyzes in detail the way of knowledge, which leads philosopher to the truth. Leibniz comes from the identity of the subject and the object. The theory of the truth of Leibniz's original and has no analogues. It is impossible to study the philosophical model of truth, without regard to its intellectual discovery. In the article the negative opinion of F. Schelling about the philosophical concept of Leibniz. The author believes that Schelling was wrong, when he gave the philosophy of Leibniz negative characteristic. On the contrary, Hegel was right when he wrote that the philosophy of Leibniz is very close to the understanding of the true nature of the absolute

Key words: philosophy, truth, Leibniz, Schelling, Hegel, the substance.

Алетологические исследования имеют как историческую, так и логическую последовательность. Поиск истины, будучи вечной и благородной целью философии, разворачивается в истории западной философии чередой интеллектуальных открытий, выступает центром притяжения философского мышления гения. Актуальные философские исследования вполне правомерно раскрывать через историко-философскую топику мышления [см.: 1; 5; 6; 7; 8]. Структура этой топики сформировалась в самом начале – в философии Платона и Аристотеля. Антиномия истины: истина достижима – истина недостижима – требует от мыслителя напряженной и драматической внутренней работы. Поскольку вопрос о достижимости или недостижимости истины – это обостренная форма вопроса о смысле человеческого существования. За тяжелыми и категориально насыщенными философскими схемами и концепциями трудно разглядеть исповедальность и

мучительность экзистенциального поиска истины. Однако именно этой целью – найти, раскрыть путь к истине – вдохновляются все великие мыслители. И наше собственное желание понять, возможна ли истина в границах человеческого бытия, заставляет нас вновь и вновь обращаться к произведениям философов, сумевших в глубочайших рефлексивных актах проявить и выразить наши предельные возможности, объяснить осмысленность существования «мыслящего тростника».

Философская концепция Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716) завершает первый период исследования истины в философии Нового времени, начало этого периода было связано с философией Р. Декарта и Ф. Бэкона. Второй период алетологических исследований начинается в философии Иммануила Канта и высшего синтеза философских открытий Нового времени достигнет в философии Г. В. Ф. Гегеля. Именно Гегель как историк философии и определил место Лейбница в «новой философии», указав на противоположность его философской концепции и эмпиризму Дж. Локка, и моносубстанционализму Б. Спинозы. Лейбниц, пишет Гегель, «отстаивал мышление в противоположность английскому учению о восприятии, отстаивал мыслимое как сущность истины в противоположность чувственному бытию... В то время как Спиноза утверждал, что существует лишь одна всеобщая субстанция, а у Локка мы видим в качестве основы конечные определения, Лейбниц, напротив, своим основным принципом индивидуальности представляет собой по существу другую сторону спинозистского среднего члена, для-себя-бытие, монаду, но мыслимую монаду, хотя она еще не выступает у него как «я», как абсолютное понятие. Противоположные принципы, выступающие у Спинозы и Локка отдельно, восполняют друг друга в его философии, так как он своим принципом индивидуации внешне восполнил Спинозу» [2, с. 399].

Совсем иначе относился к Лейбницу Ф. В. Й. Шеллинг, назвав его систему «ухудшенным спинозизмом» [9, с. 433]. Практически единственным достоинством Лейбница Шеллинг полагает его тезис о том, что природа есть мир «спящих монад»: «Душа растений и животных была для него всего лишь грезящей монадой, и только разумная душа – бодрствующей. И хотя он выразил эту градацию лишь образно, об этой его заслуге забывать нельзя: она положила начало пониманию единой сущности природы в ее необходимом восхождении по ступеням к самой себе и может поэтому считаться зародышем последующего живого развития. Это самая лучшая сторона лейбницевого учения» [там же, с. 433].

Представляется, что диалектическое чутье Гегеля позволило ему сделать более адекватную оценку философской системы Лейбница, чем дискуссионный пафос Шеллинга. Гегель исходит из историчности саморазвития философии, где каждое философское учение

есть необходимый момент в самопознании абсолютного духа, поэтому внутренне автономная та или иная философия может быть понята как конкретная форма философской истины. Иначе исчезает смысл любого философствования вообще, когда оно превращается в сумму исторических архивных фактов, годных только для длительного музейного хранения, но не для живого дела в сфере разума и культуры. Историческую процессуальность философской истины возможно проявить лишь при условии, что каждый ее момент будет содержать всю полноту истины. Другое дело – какова живая и конкретная «плоть» этого исторического явления истины, в какой форме выражена и представлена истина. Какова мера ее актуальности и/или потенциальности в данном философском учении?

Для того чтобы понять, чья оценка философии Лейбница – Шеллинга или Гегеля – была более справедливой, необходимо обратиться к философским текстам Г. Лейбница и рассмотреть их под углом главной проблемы нашего философского анализа – под углом проблемы истины, алетологии.

Несмотря на то, что концепция истины в философии Г. Лейбница носит такой же ярко выраженный гносеологический характер, что и в философии Р. Декарта, Дж. Локка, Б. Спинозы, можно указать на оригинальное онтологическое основание этой алетологии, которое проявлено в учении о субстанции. Лейбниц действительно опирается здесь на интеллектуальные открытия Б. Спинозы, в философии которого конкретное существование есть лишь момент, переходящая форма абсолютной субстанции. Но вряд ли можно, подобно Шеллингу, назвать «ухудшенным спинозизмом» систему, исходящую из принципа индивидуальности и завершенности бытия того или иного сущего.

Множественность субстанций Лейбница – это не что иное как бесконечное разнообразие деятельных форм абсолютного бытия, каждая из которых несет в себе смысл полноты, завершенности, т.е. абсолютности. Шеллинг не понял, что Лейбниц не только не противоречит его пониманию Природы как Вечной Идеи в ее многообразных жизненных формах, но и философски обосновывает это понимание, обнаруживая в каждом просто бытии все совершенство и законченность Абсолютного.

Так, в трактате «Начала природы и благодати, основанные на разуме» Лейбниц определяет субстанцию следующим образом: «Субстанция есть существо, способное к действию. Она может быть простой или сложной. Простая субстанция – это такая, которая не имеет частей. Субстанция сложная есть собрание субстанций простых, или монад... Субстанции сложные, или тела, суть множества; субстанции простые, жизни, души, повсюду, ибо без субстанций простых не было бы и сложных, и, следовательно, ВСЯ ПРИРОДА ПОЛНА ЖИЗНИ» [4, т.1, с. 413].

В трактате «О самой природе, или природной силе и деятельности творений» Лейбниц утверждает, что «всякая единичная субстанция непрерывно действует, не исключая даже и тело, в котором никогда не бывает абсолютного покоя» [там же, с. 413].

Представляется, что такое понимание простейших субстанций мира находит удивительное подтверждение в современной физике. Один из создателей квантовой механики, Вернер Гейзенберг, утверждает, что в историческом споре, идущем со времен Демокрита и Платона, – споре об Едином, по всей вероятности, победа будет за тем мыслителем, который отказался от любой наглядности субстанциального первоэлемента. Единственная возможность сегодня для теоретической физики выразить суть процессов, происходящих в глубине вещественного бытия, – сделать это на языке математических символов, отражающих взаимопереход материи и энергии: «Мне думается, современная физика со всей определенностью решает вопрос в пользу Платона. Мельчайшие единицы материи в самом деле не физические объекты в обычном смысле слова, они суть формы, структуры или идеи в смысле Платона, о которых можно говорить однозначно только на языке математики... Центральная проблема современной теоретической физики состоит в математической формулировке закона природы, определяющего поведение элементарных частиц. Экспериментальная ситуация заставляет сделать вывод, что удовлетворительная теория элементарных частиц должна быть одновременно и общей теорией физики, а стало быть и всего относящегося к физике» [3, с. 118]. То, что В. Гейзенберг относит к победе Платона, совершенно справедливо и для учения о субстанциях Г. Лейбница.

Таким образом, онтологическая истина выступает в философии Г. Лейбница как универсум, состоящий из множества действительных простых сущностей, самозамкнутых, с одной стороны, отражающих весь универсум внутри себя. Такая самозамкнутость не только не отрицает внутреннего изменения субстанции, но как раз предполагает его. Различие монад друг от друга – необходимая логическая предпосылка признания множественности субстанций, иначе исчезает сама множественность. Именно особенности внутреннего непрерывного изменения и являются сущностным признаком простейшей субстанции.

Хотя простейшая субстанция не имеет частей, необходимо существует множественность ее состояний и отношений. Конкретное преходящее состояние монады Лейбниц определяет как восприятие. Если уподобить простейшую монаду нашей душе, то можно заметить, что, конструируя понятие монады, Лейбниц возвращает душе ее целостность, предвосхищая структуризацию внутреннего мира человека на сознательные и бессознательные уровни, которые в совокупности и представляют собой эту изначальную целостность, отражающую универсум. Еще более близок к Лейбницу К. Г. Юнг с его

понятием коллективного бессознательного, наполненного архетипами и символами, в котором в символически образной форме также представлен весь духовный мир совокупного человечества, тождественный внешней форме универсума.

Основное и элементарное действие монады – восприятие. «Ничего иного и нельзя найти в простой субстанции, кроме этого, т.е. кроме восприятий и их изменений. И только в них одних могут состоять все внутренние действия простых субстанций» [4, т.1, с. 416].

Эти положения не только сближают Лейбница с более поздними исследователями человеческой души, открывателями новой социокультурной топики, но противопоставляют его алетологическую позицию позиции Р. Декарта, который только за разумом оставлял право на познание целостности. Всем остальным видам познания, связанным с «неразумными восприятиями» Декарт отказывал в истинности, тогда как Лейбниц, оперируя понятием простейшей субстанции, делает вывод о том, что вся внутренняя деятельность мышления в своей самозамкнутой цельности тождественная истине мира, другое дело, осознанно это свершается или неосознанно.

Душа в концепции Лейбница есть «нечто большое, чем просто монада» [там же, с. 416]. Лейбниц полагает, что действуя в соответствии с восприятиями, люди ничем не отличаются от неразумных животных, когда основываются лишь на практических принципах без теоретических: «В трех четвертях наших поступков мы бываем только эмпириками» [там же, с. 418]. Своеобразие человека как субстанции заключается в его возможности познания вечных и необходимых истин, доставляет нам обладание разумом и дает возможность истинного самопознания через познание себя изнутри Абсолютного: «И вот это называется в нас разумной душой или духом» [там же].

Основа действия разумной души – рефлексивные акты, где через мышление «Я» и его содержание мы имеем возможность мыслить и субстанцию, и идеальное, и Бога: «И эти-то рефлексивные акты доставляют нам главные предметы для наших рассуждений» [там же]. Через рефлексю мы способны познать основания своих рассуждений, а именно, в терминологии Лейбница это «два великих принципа»: принцип противоречия и принцип достаточного основания. Недостаточная диалектичность логики Лейбница приводит его к однозначному пониманию принципа противоречия. Ложное – это то, что скрывает в себе противоречие, истинное – это то, что противоположно ложному. Принцип противоречия Лейбница построен на само собой разумеющейся связи субъекта и предиката. Интеллектуальная интуиция поэтому легко переходит в дедукцию (как это происходит в математике) и истины, которые конструируются здесь, сводятся к аналитическим суждениям. Это истины разума, они обладают статусом необходимости: невозможно существование чего-либо, что противоречило бы им. Они не связаны с опытом и не зависят т

его многообразных изменений. Они не обязательно отражают то, что существует, но всегда позволяют мыслить непротиворечиво.

Принцип достаточного основания вводит в оперирование мышления еще одну логическую основу истины знаний: «...Ни одно явление не может оказаться истинным или действительным... без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе, хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны» [там же, с. 418]. Принцип достаточного основания Лейбница – особого рода формулировка принципа системности: все, что происходит, все, что существует, уже находится внутри поля, где все вещи и явления связаны одни с другими. Поэтому можно найти правила оперирования (алгоритмы) с фактами. Эти правила базируются на устойчивой связи вещей и групп вещей. Истины, которые конструируются здесь, Лейбниц называет «истинами факта». Они уступают в необходимости истинам разума, зачастую носят случайный характер, но они более обширны и охватывают большие области опыта.

Закон достаточного основания Лейбница – это один из основных законов опытного основания. Более того, в связи с ним Лейбниц формулирует и проблему степени вероятности человеческого знания. Поэтому с Лейбница начинается тщательное изучение логики вероятности и возможностей ее применения (например, в юриспруденции).

Закон достаточного основания Лейбниц методологически простирает на трансцендентальном основании, а именно, исходя из бытия Абсолюта, Бога, который в данном случае понимается как Необходимая Субстанция, последняя причина вещей, «в которой многообразие, изменение находится в превосходной степени как в источнике» [там же, с. 419]. Бог в философии Лейбница – это первичное Единство, изначальная простая субстанция. Все монады – это моменты излучения Единого, ограниченные воспринимающими способностями сотворенного сущего. Разнообразие монад, их уникальность и неповторимость базируются на бесконечных возможностях изначальной простой субстанции (Бога). Их качественная определенность связана с тем, что Бог, сочетая в себе возможность и необходимость, обладает способностью творить бесконечное множество возможных миров, но всегда творит самый совершенный: «Каждый возможный мир имеет право требовать для себя существования по мере совершенства, которое он заключает в себе» [там же, с. 422].

Проблема истинного знания, которую в европейской философии Нового времени мыслители ставят в форме раскрытия сущностных отношений между субъектом и объектом, в философии Лейбница поставлена как проблема их тождества. Если понимать монаду Лейбница (а именно так это и следует делать) как единицу деятельного творческого субъекта, то его в его интерпретации: «Монада является постоянным живым зеркалом

универсума» [там же, с. 422]. Т.е. принцип тождества субъекта и объекта заявлен по отношению ко всей совокупности отношений «мир – познающий субъект». Лейбниц настойчиво утверждает целостность познающего истину субъекта, которая существует до всякого познавательного акта как его условие (в отличие от Декарта, который разводил разумную способность и волю, разум и чувственное восприятие). Причем эта целостность самообусловлена, обладает внутренними причинами (в отличие от философии Спинозы, где целостность – атрибут абсолютной субстанции, а конечное субъективное мышление лишь в той или иной степени приближается к ней).

И, наконец, выстраивая алетологическую философию, Лейбниц исходит из реального, живого, а не гипотетического существования мыслящего субъекта и в своем мышлении охватывающего универсум: «...хотя каждая сотворенная монада представляет собой весь универсум, но отчетливее представляет она то тело, которое собственно с ней связано, и энтелехию которого она составляет; и как это тело вследствие связности всей материи в наполненном пространстве выражает весь универсум, так и душа представляет весь универсум, представляя то тело, какое ей, в частности, принадлежит» [там же, с. 424].

Таким образом, алетология Лейбница онтологическим основанием истины определяет бытие монады. Но тогда это ГНОСЕОЛОГО-онтологическое основание, поскольку исходным моментом выступает творческая познавательная активность субъекта, взятая как единица идеальной активности, монада, которая основана сама в себе и потенциально тождественна божественной творчески-самопознавательной деятельности.

Список литературы

1. Азаренко С. А. Перспективы топологической антропологии. Социальная топология в современном обществознании // Журнал Сибирского федерального университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 5. – № 1. – С. 28-42.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. – СПб.: Наука, 1994.
3. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987.
4. Лейбниц Г. В. Ф. Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1982-1989.
5. Нестерук А. В. Происхождение Вселенной и событие рождения // Журнал Сибирского федерального университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т.5. – № 2. – С. 175-202.
6. Омельчук Р. Г. Эгоизм и онтологический подход к вере // Журнал Сибирского федерального университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т.6. - № 1. – С. 118-132.
7. Пивоваров Д. В. Сциентизм: культ избранных ученых // Журнал Сибирского федерального университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 6. – № 2. – С. 163-170.

8. Семенова А. А. Понятие «концепт» как основа современной культурологии // Журнал Сибирского федерального университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 2. – № 2. – С. 234-246.
9. Шеллинг Ф. В. Й. К истории новой философии (мюнхенские лекции) // Шеллинг Ф. Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т.2. – С. 387-560.

Рецензенты:

Викторук Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Сибирского государственного технологического университета, г. Красноярск.

Пфаненштиль Иван Алексеевич, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.